

(въ видахъ наиболѣе якобы доказательнаго оправданія всѣхъ аномальныхъ условій и устоевъ нашей общественно-политической жизни) есть также сердцевина и Толстовской религіи, на которой построено и все его ученіе о жизни, о наукѣ, объ искусствѣ и т. д.

Въ жизни Л. Толстой искалъ не безжизненность ея, не аскетическую мертвенность, но ея духовную, религіозно-общественную полноту, развитіе всѣхъ ея непреложныхъ альтруистическихъ задачъ, и если, по замѣчанію М. де-Вогюзъ, «надо составлять драмы подобно Шекспиру и романы подобно Толстому, чтобы дѣйствительно дать намъ почувствовать величіе жизненнаго пути», то, мы скажемъ, надо быть и такимъ глубокимъ писателемъ—моралистомъ, какъ Л. Толстой, чтобы это «величіе жизненнаго пути» претворить въ дѣйствительный и единственный смыслъ нашего существованія.

Высочайшій источникъ правды и любви и видѣлъ Л. Толстой въ религіозномъ искательствѣ тѣхъ «видныхъ, ясныхъ, несомнѣнно нравственныхъ истинъ (какъ писалъ онъ позитивисту Фрею), которыя выдѣляются изъ хаоса ложныхъ и обманныхъ сужденій».

Идя до послѣднихъ необходимыхъ предѣловъ въ своемъ синтезѣ, Л. Толстой привлекаетъ къ дѣлу служенія идеямъ добра, любви и христіанскаго единенія всѣхъ людей—и искусство, и науку, — не ту богословскую или экономическую науку, которая является «апологіей насилія», а ту науку, которая выясняетъ человѣчеству истинные пути его прошлой, настоящей и будущей жизни.

Привлекая такую науку и органически связывая ее съ искусствомъ и религіей, Л. Толстой несетъ принципы личнаго этического развитія—въ сложную эволюцію всей человѣческой массы. И въ этомъ заключается неизмѣримый радіусъ его философскихъ построеній.

Всѣ религіозныя истины, всѣ художественныя идеи искусства и всѣ разумныя и важные результаты научныхъ изслѣдованій—все это должно энциклопедически служить человѣчеству. И потому все это должно быть просто и непорочно-ясно для всѣхъ.

Л. Толстой, жизнь котораго была сложной симфоніей творческихъ радостей и страданій, шелъ къ истинѣ путемъ простыхъ словъ и простыхъ понятій и отбрасывалъ въ сторону все утрированное, ходульное и мистически нелѣпое... Это стремленіе къ простотѣ гармонически и сознательно совпадаетъ у Л. Толстого со стремленіемъ къ добру, любви и разуму. Мотивъ общечеловѣчности евангельскихъ истинъ, всенародности, всеобщаго ихъ пониманія и потому братскаго единенія обнимаетъ собою все ученіе Л. Толстого.

Въ центрѣ его идей стоитъ идея—мы бы назвали—*универсальнаго добра*, (къ сожалѣнію, мало отмѣченная критикой). Съ точки зрѣнія Л. Толстого, «добро» можетъ быть добромъ лишь тогда, когда оно такъ распространяется, что никому не приноситъ зла.

Какъ логическое слѣдствіе этого «распространенія» добра—для Л. Толстого не существуетъ никакихъ національно-политическихъ разграниченій. Всѣ равны, всѣ «одинаковы»: эллины и іудеи, варвары и скиѣн, русскіе и французы, нѣмцы и бельгійцы.